
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Виктор Еремин
(г. Тула)

СОБЫТИЕ

Еремин Виктор Иванович родился в 1954 году. Журналист. Закончил филологический факультет Тульского педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Член Союза журналистов России. С 1998 года возглавляет областную общественно-политическую газету «Тульская правда». Сотрудничает с журналом «Приокские зори» и центральными печатными изданиями. Лауреат творческих конкурсов.

...Великий Космический Закон явился на Землю совершенно неожиданно. Даже для тех, кто посвятил свою жизнь возможности этого величайшего события и его служению. Он предстал перед людьми в виде гигантской шаровой молнии, видимой с любой точки планеты. Разумеется, вооруженные силы всех цивилизованных стран были тут же приведены в полную боевую готовность. Лишь дикие племена, живущие в Южной Америке, в Австралии и в Центральной Африке, не восприняли чудо как очевидную угрозу. Но что с них взять? Дикари они и есть не приобщившиеся к прогрессу дикари. Ученые по заданию своих правительств попытались было исследовать непонятный объект современнейшими приборами, но из этого ничего не получилось. Радары и сканеры, другие всевозможные электронные и технические средства не обнаруживали никаких посторонних материальных тел. Была предпринята попытка объяснить происходящее всеобщей галлюцинацией, но она выглядела столь жалкой и беспомощной, что вызвала у представителей власти сильное раздражение и даже злость. О каких, спрашивается, миражах может идти речь, если огромный шар виден, откуда хочешь, да еще, вдобавок, он согревает тех, кому холодно и дарит прохладу тем, кто изнывает от зноя? Ученые собрались было объяснить и этот феномен, но их уже никто не захотел слушать, а наоборот, грубо велели помолчать.

Шар никак не проявлял себя трое суток, а по истечении их в голове каждого человека, включая глухих, раздался Голос. Слова его были понятны всем.

Он сказал:

— Я явился перед вами не для того, чтобы судить. Вы сами вознаграждаете и наказываете себя жизнью, которую создали для себя. Я дал вам самую главную свободу — свободу выбора. Выбора между добром и злом, хорошими поступками и пло-

хими, между смыслом и бессмысленностью своего существования. Эта свобода живет в каждом из вас и каждый из вас делает свой выбор. Сегодня я дам вам еще одну возможность воспользоваться ею. Я исполню одно желание каждого из вас. Я даю вам одну минуту, чтобы обдумать его и через шестьдесят секунд оно исполнится.

После этого огромный шар исчез, а вместо него перед глазами каждого из шести с лишним миллиардов людей возник небольшой золотистый шарик, неподвижно висящий в воздухе.

Люди растерялись. Желания были у всех, были и самые заветные. Но действительно ли оно — самое заветное, то главное и единственное, исполнение которого все изменит к лучшему? И его ли оно, это желание? Он действительно хочет этого сам или, может быть, оно придумано кем-то, а он в будничной суете не заметил подмены своего сокровенного желания на навязанное со стороны, а свое собственное забыл, отбросил как никчемное и неправильное? И тогда исполнится не его, а чужое фальшивое желание. А его не исполнится никогда.

Неожиданная волшебная возможность ослепила людей. Но в этой же вспышке каждый увидел свою душу и ее содержимое. И испугался того, что он с ней сделал. Но, увы, никто не знал, как произнести желание, исправляющее покореженную, испачканную, затравленную душу. Ведь не вылетят же ее трехэтажный особняк, тонна золота и мешок бриллиантов. Они, наверное, могут изменить жизнь, но тогда что это за жизнь, если смысл ее зависит от наличия или отсутствия ценности, придуманной кем-то?

Шестьдесят секунд истекли и все желания исполнились. Слепые прозрели, безногие обрели ноги. У каких-то матерей неизлечимо больные дети выздоровели, а у каких-то — нет. Появилось некоторое количество новых богачей и исчезло некоторое количество прежних. Но в целом, после исполнения желания каждого из людей, в мире ничего не изменилось. Все осталось по-прежнему.

Голос сказал:

— Каждый из вас получил то, что пожелал. И я слышал, что вы желаете. Вы увидели свет и испугались того, что он осветил в вас. Сегодня я исполню ваше общее желание — дам вам возможность увидеть и исправить ошибки. И я оставляю ее в каждом из вас. У вас есть свобода выбора и возможность.

Великий Космический Закон вновь превратился в гигантский шар, холодный и теплый одновременно, секунду повисел над головой каждого человека и исчез.

...Как уже говорилось, мир после произошедшего не изменился. Через какое-то время событие стало смелее и смелее обсуждаться на всевозможных ток-шоу, где постепенно главенствующей и, так сказать, одобряемой стала точка зрения, утверждающая, что причиной всего является хвост кометы, содержащий галлюциногены и смешавшийся с атмосферой планеты, а никакого огромного золотистого шара не было вовсе. Еще позже над теми, кто утверждал, что чудо все-таки было, стали иронизировать и откровенно посмеиваться. А еще позже журнал «Форбс» опубликовал новый список самых богатых людей с сенсационными изменениями и тема шара забылась полностью.

...Но все-таки, изредка, в полнолунные ночи даже самые ярые скептики, затаив дыхание, медленно поднимают головы и устремляют взгляд вверх, надеясь и страшась увидеть над собой прекрасный золотистый шар. Но видят только луну, круглую желтую луну...

Виталий Кузнецов
(г. Северомуйск, Бурятия)

РАССКАЗЫ

Учредитель и главный редактор литературного журнала «Северо-Муйские огни» (Бурятия, Россия), член Европейского конгресса литераторов. Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя (номинация «Для детей и юношества», Торонто, 2015).

«ПОЦЕЛУЙ» МЕДВЕДИЦЫ

В один из теплых весенних дней, когда уже растаяли снега и вскрылись воды озер и рек, меня неудержимо потянуло в тайгу. Я решил, что несколько дней у таежного костра развеют мою застоявшуюся зимнюю хандру.

Заранее договорившись с приятелем о предстоящей рыбалке, я с нетерпением ожидал этого дня. Когда же он наступил, мы, прихватив с собой пару небольших сетей для верности рыбацкого успеха, отправились на одно из безлюднейших и многочисленных озер нашей Северомуйской долины.

Первозданные красоты тайги вокруг придавали особую прелесть выбранному нами озеру. Соединяясь весенней полноводной протокой с рекой, озеро впускало в себя огромное количество разной рыбы. Нам без труда удалось изловить несколько некрупных щучек для нашей вечерней ухи. Затем, уже в ночь, поставив сети в устье протоки, мы дожидались утра.

Обычные походные разговоры о приключениях в жизни незаметно скрадывали наше время у ночного костра. Но таежная обстановка была не совсем обычной: весенняя пора, пора тревог и волнений среди лесных обитателей, придавала шумную суетность ночи. Всплески воды на поверхности озера, неизвестные всхлипы у берегов, вскрики и встревоженные посвисты болотных куликов; писк свадебно настроенной ондатры, подзывающей к себе самца; лай гурана — таежной косули, раздающийся у отдаленных от озера сопок, и еще множество всевозможных звуков вызывали некое тревожное чувство. Однако, постепенно привыкнув к окружающим нас звукам и шорохам, мы успокаивались и незаметно погружались в сон.

Расположившись на прогретом солнцем склоне пологого бугра, голову к лесу и ногами к костру, и запахнувшись в куртку из шинельного сукна, я через какое-то время уже не слышал всей этой какофонии ночной таежной жизни. Не слышал и приближения к нам подраненной, как выяснилось позже, медведицы, переправляющейся через протоку, и то, как шумно она потом отряхивалась от воды.

Скрываясь от преследования настигающих ее охотников, раненная медведица уходила в горы. Встретив на своем пути водную преграду, она, возможно, выбрала самое удобное место для переправы через полноводную протоку, не подозревая о

расположении людей, то есть нас, на том берегу: влажный и плотный воздух, поднимаясь от поверхности воды, преграждал поток запахов, идущих с нашей стороны.

Оказавшись на противоположном берегу, медведица, конечно же, не могла не учуять нас, а значит, ее дальнейший подход к нам не был вызван дружелюбным любопытством.

Под бледным светом луны, в тени деревьев и кустов, осторожно ступая по хрустким мелким веткам, черный огромный зверь неотвратимо приближался к нам. Но, уже завидев нас, лежащих у потухшего костра и не пытающихся даже сдвинуться с места, чтобы убежать или оказать какое-либо сопротивление, медведица на время замерла. Принюхиваясь к человеческому духу и не обнаруживая в нем явно угрожающих для себя запахов, она, возможно, раздумывала, решая, как поступить дальше.

В тот момент я находился ближе к ней. Ни о чем не подозревая, не чувствуя стоящего рядом зверя, я продолжал так же спокойно «посапывать», уткнувшись в мягкую от сухой травы землю.

Когда же медведица склонилась надо мной и прикоснулась своим носом к моему затылку, я почувствовал, как кто-то будто взъерошивает мне волосы. Это прикосновение неожиданно пробудило меня. Резко приподняв голову вверх, я увидел перед собой огромную округлую личину медведя. Еще не совсем понимая, что это — явь или сон, я взирал на то, что никак не воспринималось моим сознанием. В каком-то полугипнотическом состоянии, застыв от поражающего зрелища, я в упор всматривался в медведицу. И она тоже застыла в недоумении, не ожидая подобного. Ее маленькие, глубоко засевшие за узкой переносицей, округленные глаза, казалось, даже с неким любопытством взирали на меня; и уж точно, в тот момент злобы я в них не почувствовал. Широкая морда медведицы, словно со сказочной картинки, уставилась на меня, и потому, не веря в ее действительность, я довольно спокойно взирал на нее. Возможно, это были какие-то мгновения, но мне показалось тогда, что время остановилось.

И вдруг я вижу, как медведица вытянулась вперед и медленно потянулась к моему лицу. Только тут, почувствовав прикосновение к моему носу ее холодной, влажной мочки на конце морды, я осознал весь ужас происходящего. В тот же миг мое сознание, не выдержав невероятного напряжения, как бы взорвалось, истощный резкий крик вырвался из моей груди прямо в пасть медведицы.

О том, что произошло далее, можно говорить лишь предположительно, исходя из биологических особенностей «медвежьей болезни»: вероятно, медведица, забыв, зачем подходила к нам, уносила прочь без оглядки.

Очнувшись я уже под утро. Напарник мой все еще находился во власти сна. Лишь после нескольких моих громких окликов его по имени он, нехотя приоткрыв глаза, уставил на меня свой заспанный взгляд. Я спросил его, что слышал он ночью? Он ответил, что ничего, добавив, что вообще крепко спит. Тогда я довольно спокойно рассказал ему о произошедшем ночном эпизоде. Но он отмахнулся, выказывая этим свое неверие и снова погружаясь в сон. Действительно, в мой рассказ поверить было невозможно.

Спустя какое-то время, когда уже приметно рассвело, я отошел чуть в сторону того места, где видел зверя. Буквально в метре от моей ночной «лежки» заметил на земле глубокие рваные следы, оставленные медведем: клочки серого мха с корневищами брусничника, вырванные когтистой лапой из земли, лежали поодаль от широких углублений. Следы подтверждали: медведица действительно подходила к нам; но ее заставил сорваться с места мой резкий неожиданный крик.

Ближе к полудню на противоположной стороне протоки мы заметили приближение людей. Это были местные охотники во главе с охотоведом нашего района. Мой

товарищ знал их в лицо и вышел им навстречу. Переправившись через протоку на лодке, он долго беседовал с ними. Уже возвратившись, рассказал, о чем поведали ему охотники и что поведал он им. Оказалось, это они явились причиной ночного появления у нас «в гостях» раненой медведицы. Накануне они стреляли ее, как говорят охотники, когда преследуют цель — убить зверя; но убили лишь ее единственного медвежонка. Медведица же, раненая и глубоко напуганная, хотя и озлобленная, ушла по направлению к сопкам северной гряды. Идя по ее следу, охотники вышли на нас.

Узнав, что этой ночью медведица была рядом с нами, но мы остались невредимы, они сильно удивились; и все же, спустя время, ушли в сторону, указанную моим товарищем.

После встречи с охотниками, когда мы уже узнали, что медведица была еще и ранена, то наши впечатления от события стали куда более «потрясающими», ведь раненый зверь становился опаснее вдвое. К тому же медведица, потеряв свое единственное дитя, могла лишиться и рассудка. В подобном случае исход встречи был бы совершенно непредсказуем, вернее — совершенно очевиден... И не пришлось бы мне уже делиться с вами впечатлениями о своем ночном «поцелуе» с медведицей.

«ВАРВАР»

(Этот рассказ написан мною со слов одного моего знакомого — «героя» данной истории. Свой поступок он пересказывал очень подробно, что привело меня к некоторому душевному смятению, и не написать эту историю я уже не мог. Но свои эмоции я постарался оставить за «бортом», хотя название рассказа уже говорит о многом и выражает мое отношение к «герою»).

Надрывный рев мотора и грохот от пустого полуприцепа лесовоза разносились на многие версты по зимней дальневосточной тайге: где-то недалеко велась лесозаготовка. Лесная живность уже привыкла к подобным шумам и почти не обращала внимания на чуждый таежной жизни грохот. К тому же, вырубленные деляны приносили даже некоторую пользу многим обитателям леса. В первую очередь это были лоси. Их привлекало обилие корма на вырубленных «делянах», быстро растающих молодым лиственным подростом. Туда они и тянулись, иногда пренебрегая опасностью. Водители «лесовозов», зная об этом, всегда возили с собой ружьишко: мало ли какой неосторожный лось выбредет на просеку. Но в особо снежные зимы сохатого можно было встретить и чаще. Глубокий снег во многих случаях оказывался губительным для этих животных, и они часто пользовались проложенными людьми зимними маршрутами.

В тот день, уже по-весеннему теплый, брюхатая самка сохатого, медленно пробираясь по глубокому мартовскому снегу, брела в поисках более обильного и сочного корма, чем грубая кора деревьев. И только на вырубленных делянах лосиха могла найти ее. Туда она и пробиралась. День уже давно наступил, а она все еще брела, тяжело волоча по снегу свой упруго выпирающий живот.

Иногда, чтобы как-то приглушить подступающие позывы голода, будущая лосиха-мать делала короткие остановки. Немного сворачивая в сторону, она пыталась дотянуться до нескольких низко склоненных веточек какого-либо дерева или куста. Но это лишь больше отнимало силы, чем прибавляло чувство сытости, и потому лосиха торопилась: ей надо было до наступления сумерек найти такое место, где она могла бы вдоволь погрызть сочной осиновой коры и пожевать ольховых побегов молодых кустов.

Вдруг лосиха настороженно остановилась. Впереди лес заканчивался, и начина-

лась просека. По этой просеке грузные лесовозы прокладывали свои ежедневные маршруты. Наезженная колея означала, что где-то уже поблизости есть то место, где будет много корма для нее и для ее детеныша в утробе. Ей оставалось только перейти дорогу, и, возможно, скоро она смогла бы выйти на старую деляну. Но она все ждала, осторожно прислушиваясь к нарастающему вдалеке гулу. Она и раньше слышала подобный гул, и потому, не особо пугаясь его, но и не решаясь уже выйти на просеку, продолжала стоять, оглядываясь по сторонам. Лосиха искала взглядом место, куда могла бы отойти и переждать, пока проскочит мимо приближающийся лесовоз. Но лес вокруг, на ее стороне, почти просвечивался насквозь: он был без подроста и кустов, без чащи, где можно было бы скрыться на время. Только высокие стволы деревьев да глубокий снег окружали ее. Но возвращаться назад лосиха уже не могла, и потому она все же решила пойти вперед, — через просеку лес ей показался гораздо гуще, и она, уже не обращая внимания на все нарастающий гул, зашпешила к дороге.

Перевалив через высокий борт снега на обочине, лосиха вышла на чистое место. Как легко ей показалось идти! Она так бы и не сворачивала никуда, а шла бы и шла до самого места. Но гул позади невольно подгонял ее, и медлить ей было нельзя.

В кабине «Урала» — лесовоза — смогом стоял табачный дым. Потягивая одну за другой папиросы, водитель угрюмо давил на газ. В его жизни было мало радостей, но он уже и сам не желал большего, чем то, что приносила ему таежная зимняя трасса. Коренной дальневосточник, проживающий пятый десяток в этом глухом таежном краю, мечтал лишь об одном — как можно больше заработать денег, и как можно раньше съехать в другую местность. «Хочу пожить по-человечьи», — частенько прорывалось из никогда не улыбающихся его уст. Ему и думать о другом не хотелось, да и уже, наверное, и не могло. Лишь одна забава отвлекала его от рутинной работы. Это была стрельба из ружья, по всякому поводу, и по любой движущейся мишени. Порою он даже и не старался прицелиться наверняка, лишь бы выстрелить. Потому и возил с собой ружье с большим припасом патронов.

«Ух, ты, стерва,— вышла», — завидев впереди по трассе матку лося, вдруг грубо оживился водитель лесовоза. «Ну, сейчас я тебя возьму», — пробубнил он вполголоса и придавил на газ.

Его ружье лежало на сиденье, рядом, и было всегда готово к бою.

Изо всех сил лосиха пыталась преодолеть барьер высокого снежного борта на обочине, но ей пока не удавалось сделать этого. А расстояние уже до громящего лесовоза неумолимо сокращалось. В былое время, хотя бы еще пару месяцев назад, она легко бы одолела это препятствие, но сейчас все оказалось намного сложнее: видимо, в ее утробе лосенок был не одинок.

И все же в последнем рывке, пробив в затвердевшей снежной обочине брешь, лосиха пошла вперед: «успею, смогу; смогу, успею», — тревожно стучало кровью ее материнское сердце. Устремляясь вперед, она еще надеялась на то, что сможет скрыться.

Гул мотора, приблизившись, притих. Человек в машине, завидев, как матка лося, уже сойдя с дороги и удаляясь от нее, показался из кабины и несколько раз выстрелил в ее сторону. Одна из пуль слегка задела хребет лосихи, другая глухо вошла в толщу снега под ней.

Быстро перезарядив свое оружие, человек вновь выстрелил, одновременно из обоих стволов, дуплетом, и обе пули попали в цель. Но ни одна из них не смогла причинить смертельного вреда животному. Лосиха по-прежнему продолжала устремляться вперед: в горячей агонии, совсем не чувствуя боли от ран, молодая лосиха медленно, но все же продвигалась к чаще уже близких спасительных высоких кустов. При этом с

каждой секундой раненая лосиха ощущала всевозрастающую тяжесть от внезапно навалившейся беспомощности и, спустя еще мгновения, с ужасом поняла, что не может, как прежде, отталкиваться задними ногами; она не чувствовала в них силы.

Выскочив из кабины машины, человек с ружьем принялся лихорадочно ощупывать патронташ у себя на поясе: он искал заряженный патрон, но находил лишь пустые гильзы. Оказалось, что еще в начале дороги он расстрелял большую часть зарядов по всякой живности, попадавшей на его пути.

Перебирая снег передними ногами, лосиха, хрипя от жара, все же протаскивалась вперед, и ей уже удалось подобраться к зарослям; еще немного времени, и она, возможно, смогла бы скрыться в них. Но этого допустить человек не мог, ведь он был уверен, что животному уже не выжить, волки в первую же ночь порвут ее. «Не пропадать же столько мяса», — думал этот человек, продолжая начатое кровавое дело.

Вновь взобравшись в кабину своего незагруженного лесовоза, он прогнал его немного вперед, а затем дал задний ход, направив полуприцеп в сторону от дороги, в то место, где в кустах уже успела скрыться лосиха. Удар пришелся прямо по хребту животного.

Придавленная в снегу железом и лишенная на время чувств, лосиха, уже не имея никаких сил к какому-либо сопротивлению, спокойно ожидала своей участи.

Человек не спеша вылез из кабины и, увидев сбитого, но еще живого лося под прицепом, понял, что без «рукоприкладства» ему не обойтись. Тут же, прихватив с собой огромный топор, он уже решительно направился в сторону плененной таким образом, израненной самки лося.

Приблизившись к умирающей лосихе, человек, испугавшись ее еще перебирающих в снегу передних ног, не смог зайти спереди, чтобы нанести свой последний и смертельный удар в голову. Но и ждать он не мог, и потому, тут же взобравшись на полуприцеп, он приблизился к ней со стороны спины. Но и там ему не удалось дотянуться до ее уязвимого места. И тогда, уже не сожалея ни о чем, без всякой жалости, желая лишь одного — любым способом умертвить лосиху, он топором нанес ей удар по спине. От резкой боли ухнув, она рванулась из последних сил, но уже через секунду вновь ощутила удар, затем еще, и еще....

Врубаясь в горячую плоть, острое холодное железо безжалостно кромсало спину животного. Через мгновения лосиха уже не проявляла какого-либо сопротивления. Кровавым туманом обволокло ее сознание и пеленой застлало свет. Но она все еще была жива и еще долго терпела разрывающие позвоночник боли, и еще долго были слышны ее предсмертные хрипы, и стоны с тяжким уханьем продолжали вырываться из ее груди. И вот, уже затихая, она в последний раз втянула в себя морозный воздух и ушла, унося в себе еще две жизни своих так и не увидевших свет лосят.

Только после того, как прекратились ее предсмертные вздохи, «человек» отвел в сторону окровавленный топор. Он сделал то, на что, казалось даже ему, был не способен. Но это его уже не волновало. В тот момент он видел перед собой лишь грудку свежего мяса и нисколько не сожалел о содеянном.

Обвязав голову своей жертвы стальным тросом и прицепив к машине, человек продолжил прерванный путь, досадуя о том, что потерял столь много времени.

Взревев мотором, «Урал» — безликий свидетель кровавой драмы — рванул как можно быстрее от этого места. Но следом за ним, оставляя на белом снегу кровавую поволоку, потянулось истерзанное тело матки-лосихи. Ударяясь о встречные пни раздутым животом, мертвое тело издавало некий выдох, и при этом казалось, что лосиха была еще жива.

Но живы оставались ее детеныши в утробе. И только тогда, когда закончился по-

следний кислород в крови их уже мертвой матери, накопленный с последним ее вздохом, остановились и их маленькие сердца.

СОБАЧЬЯ СМЕРТЬ

(Аллегория)

Одинокий пес стоял у края сточной канавы и жадно лакал грязную затхлую воду. Тошим и жалким силуэтом выделялся он на фоне уходящего солнца.

День клонился к ночи. Жару сменила духота. Редкая поросль вдоль канавы была единственным источником кислорода: всю остальную растительность выжгло палящее степное солнце. Под его нещадными лучами старый пес весь день блуждал в поисках чего-нибудь съестного; найдя одну лишь мертвую мышь, он и не заметил, как проглотил ее.

Высушенный и голодом, и солнцем, с трудом удерживаясь на подгибающихся ногах, пес медленно добрал до этой сточной канавы. Склонившись над мутной и теплой жижей, пренебрегая ее зловонием, он долго насыщался влагой из этого единственного источника питья.

Немного остудив свой воспаленный мозг, пес тут же опустился в грязь, перегородив собой канаву; изможденное тело больного пса наконец-то почувствовало некую прохладу.

Вдруг внезапно пес дернулся и затих: уставшее старое сердце его остановилось.

Но так же, как и минуту назад, высоко в небе, над иссушенной степью продолжала звенеть трель жаворонка, воспевающего жизнь, и так же над заболоченной луговиной продолжали гоняться друг за другом стрекозы. Никто и не заметил, как на земле одной жизнью стало меньше.

Прошло совсем немного времени, но вот уже мутный поток вонючей жижи, перебиваясь через спину умершей собаки, заносил грязью и илом еще не остывшее тело...

Николай Макаров
(г. Тула)

СКАЗКИ О ПАРОВОЗИКЕ*

Наш постоянный автор, член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова, лауреат литературной премии Правительства Тульской области имени Л. Н. Толстого, лауреат премии им. С. И. Мосина. Награжден орденами и медалями за воинскую службу.

ОБИДА

Перед Новым годом попросили Маленького Паровозика написать сказку про любимый всеми праздник. Не его одного попросили — попросили и Маленький Самолетик, и Маленький Вертолетик, и Маленький Автомобильчик, и Маленький Пароходик. Одним словом, попросили всех, кто ходил вместе с Маленьким Паровозиком в детский сад.

Конечно, сказку всем сочинять разрешили с помощью родителей. А у Маленького Паровозика и мама, и папа надолго уехали в командировку. Поэтому Маленький Паровозик свою сказку сочинял с дедушкой.

И эта сказка Маленького Паровозика на конкурсе заняла первое место. Но по условиям конкурса сказки разрешалось сочинять только с родителями.

Ох, как было обидно Маленькому Паровозику, как обидно: лучшая сказка и — никакого подарка.

— Ты же сочинял сказку не для награды, — утешал Маленького Паровозика дедушка. — Ведь твоя сказка всем понравилась, все радовались твоему успеху, все хвалили твою сказку.

— Нет, дедушка, это — не моя сказка, это — наша с тобой сказка. — Улыбнулся Маленький Паровозик. — А награды и призы я еще получу.

ЛИТЛ ТРЕЙН

Приехал однажды в гости к Маленькому Паровозику из заморской страны такой же Маленький Паровозик — Литл Трейн. Сколько было шума, сколько рекламы! Весь разукрашенный, весь разрисованный яркими красками, с наклеенными плакатами: «Жуйте наши лучшие жвачки!», «Пейте нашу лучшую колу!» Сам заморский гость то и дело кричал: «Наши Литл Трейны — лучшие в мире! Лучшие в мире — наши Литл Трейны!»

Но Маленький Паровозик знал, что и жвачка, и кола очень и очень вредные про-

* Продолжение. Начало см.: «Приокские зори», 2014. № 4.

дукты не только для детей, но и для взрослых. А когда подошел поближе к Литл Трейну, то увидел под плакатами ржавые бока паровозика, несмазанные втулки, грязные, давно немывые и не чищенные детали. И дышал Литл Трейн тяжело, больше хрипел и сопел.

Так и в настоящей жизни бывает: сверху — хорошо и отлично, а внутри — все наоборот.

Не стал Маленький Паровозик смеяться над Литл Трейном. Вначале снял с него и сжег все рекламные плакаты. Затем взял машинное масло, взял тряпки и стал чистить и мыть своего заморского гостя.

ПОД ДОЖДЕМ

Много, много паровозиков из разных стран приехали летом отдыхать в детский лагерь. И наш Маленький Паровозик приехал. Он вместе с другими паровозиками играл в прятки, ходил по грибы и ягоды в лес, ловил красивых бабочек. Одним словом — отдыхал.

Однажды паровозики повезли девочек и мальчиков на дальнюю лесную поляну, где росла крупная душистая земляника — лучшая ягода в мире. Ребятишки так увлеклись сбором ягод, что не заметили, как темная большая туча закрыла солнышко. Затем сверкнула молния, раздался страшный гром, и упали первые тяжелые капли дождя. Девочки и мальчишки испугались и побежали спасаться в вагончики, прицепленные к паровозикам.

Но все паровозики тоже испугались грозы и спрятались в лесу.

Все? Все паровозики спрятались? Все струсили?

Вот и не угадали.

Наш Маленький Паровозик бросился навстречу ребятишкам, раскрыл двери вагончиков. Но не все девочки и мальчики смогли поместиться в вагончиках одного паровозика. Видя такое, спрятавшимся паровозикам стало стыдно, и они поспешили на помощь нашему Маленькому Паровозу. И все довольные и радостные вернулись домой.

В ГОРКУ

В другой раз паровозики решили повезти ребятишек на горку, с которой было видно далеко-далеко вокруг. Первый паровозик попытался взобраться на горку — ничего не вышло. Скатился назад, чуть было не опрокинул свои вагончики. Второй паровозик попытался, и тоже скатился с горки. Третий... Четвертый... Пятый... Никто не смог забраться на горку.

А наш Маленький Паровозик чуть-чуть опоздал. Когда пришел — увидел, что все паровозики стоят расстроенными потому, что обещали ребятишкам, а не получилось. Обещания-то все должны выполнять — не только люди, но даже и паровозики.

Маленький Паровозик подумал, подумал и придумал. Он поставил все паровозики друг за другом, затем прицепил все вагончики. Сам встал впереди всех и потянул за собой в гору большой-большой состав из паровозиков и вагончиков. Так дружно все вместе и доставили ребятишек на вершину горки.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Наверное, нет таких мальчишек и девчонок, которые не любили бы, чтобы их поздравляли с Днем рождения или какими другими праздниками.

И Маленький Паровозик тоже очень любил, чтобы его поздравляли и с Днем рождения, и с Новым годом, и с Днем паровозика.

Сам он тоже любил всех поздравлять. С Днем рождения и с Новым годом поздравлял всех. С Днем самолетика поздравлял знакомых Маленьких Самолетиков, с Днем парходика — знакомых Маленьких Парходиков, с Днем Автомобильчика — знакомых Маленьких Автомобильчиков. Никого не забывал — всех поздравлял. Не забывал поздравлять маму и всех знакомых девочек с женским праздником — Днем 8 марта.

Мальчики и девочки допытывались у Маленького Паровозика.

— Как тебе удается запомнить, когда у кого какой праздник?

— Я и не запоминаю! — улыбнулся Маленький Паровозик. Улыбнулся и показал ребятишкам свою записную книжку, в которой имелись все нужные ему даты, телефоны, адреса и даже расписания поездов и электричек.

ПОДАРКИ

Как было сказано — все любят подарки: и взрослые, и дети, и Маленький Паровозик тоже любил получать подарки.

Однажды, перед самым Новым годом Дед Мороз и Снегурочка раздавали подарки. Подарки достались всем: мальчикам и девочкам, Маленькому Паровозу и Маленькому Парходу, Маленькому Самолету и Маленькому Вертолету.

Раздав подарки, Дед Мороз и Снегурочка пошли поздравлять других. Только они ушли, как подъехал Маленький Автомобильчик. Видя у всех в руках подарки, стал оглядываться вокруг, чтобы найти и свой подарок. Но подарка для Маленького Автомобильчика нигде не было. Или Дед Мороз со Снегурочкой забыли про подарок Маленькому Автомобильчику, или подумали, что Маленький Автомобильчик заболел, и они поздравят его позже, дома.

Маленький Автомобильчик уже хотел расплакаться, думая, что остался совсем без новогоднего подарка.

Но Маленький Паровозик не стал ждать слез Маленького Автомобильчика. Он достал из своего подарочного пакета несколько конфет и отдал их Маленькому Автомобильчику. Тут же и Маленький Парходик, и Маленький Самолетик, и Маленький Вертолетик — все поделились своими подарками с Маленьким Автомобильчиком.

Маленький Автомобильчик улыбнулся:

— У меня стало подарков больше всех — давайте мы все вместе их с чаем и съедим.

ПОСАДКА ДЕРЕВЬЕВ

Ехал как-то раз Маленький Паровозик мимо пустыря, и увидел девочек и мальчиков с лопатами, метлами, граблями, ведрами.

— Что вы делаете? — протрубил Маленький Паровозик. — Помощь нужна?

— Хотим посадить фруктовый сад! — прокричала ребятня.

— Сейчас позову своих друзей. — И паровозик помчался за своими друзьями.

Вскоре на пустыре закипела работа.

Маленький Бульдозер выравнивал площадку.

Маленький Экскаватор рыл ямки.

Маленький Автомобильчик привозил из плодового питомника саженцы деревьев.

Маленький Самосвальчик привез удобрения.

Маленькая Пожарная Машина не жалела воды для поливки посаженных деревьев. Маленький Паровозик довольно улыбался и пел песни, чтобы работать было легче и веселей.

Так друзья все вместе и посадили на пустыре плодовый сад.

ПОМОЩЬ ДРУГУ

Увидел однажды Маленький Паровозик, что его друг Маленький Автомобильчик сильно плачет.

— Что с тобой случилось?

— Надо мной ребяташки смеются и дразнятся.— И Маленький Автомобильчик еще сильнее заплакал.

— Почему?

— Кто-то бросил ржавый гвоздь на дорогу, колесо у меня и проколосось.

— Ну, это — не беда.— Похлопал Маленький Паровозик по кабине Маленького Автомобильчика.— Беда в том, что дети показали себя с очень плохой стороны. Нельзя смеяться над больными, тем более — еще и дразниться.

Маленький Паровозик прицепил к себе платформу и помчался на склад за запасным колесом для Маленького Автомобильчика.

Вскоре он вернулся, да не один: с ним приехали и обидевшие Маленького Автомобильчика ребяташки.

— Хватит носом хлюпать.— Обратился к ним Маленький Паровозик. — Раз вы осознали свой проступок, помогайте заменить Маленькому Автомобильчику колесо.

Все заулыбались: и Маленький Автомобильчик, и ребяташки, и, конечно же, маленький Паровозик.

Ольга Артемова
Наталья Артемова
(пос. Медвенка Курской области)

ГЕРОИ, КОТОРЫХ МЫ ЗНАЛИ

Очерки разных лет

Ольга — слева и Наталья —
справа Артемовы

Артемовы Ольга Викторовна и Наталья Викторовны — члены Союза писателей РФ. Их стихотворения публиковались в журналах «Подъем», «Молодая гвардия», «Начальная школа», «Русский писатель», «Приокские зори», в других изданиях. У них выходили книги в московском издательстве «ЭКМО» (под псевдонимом) и курском «Славянка». Ольга Викторовна и Наталья Викторовна Артемовы являются победителями Всероссийского конкурса «Парус одинокий», посвященного 200-летию со дня рождения Лермонтова (учредитель — «Учительская газета»). Наталья — лауреат Всероссийского конкурса «Герои Великой Победы», победитель областного конкурса «Наша слава и наша память», посвященного 70-ой годовщине Победы в Курской битве (номинация «Поэзия»); призер областного конкурса «Таланты веков не считают». Ольга лауреат областного конкурса имени К. Д. Воробьева на лучшее журналистское произведение на военно-патриотическую тему (трижды); победитель областного конкурса «Малый бизнес глазами прессы»; призер областного конкурса «Наша слава и наша память», посвященного 70-ой годовщине Победы в Курской битве (номинация «Сценарии»).

Так получилось, что в жизни нам выпало встретиться с несколькими героями Великой войны и о некоторых из них написать. Это были разные люди и разными были обстоятельства, при которых явили они образцы мужества. Анна Тимофеевна Соломонова — партизанская связная, пережившая допросы в фашистском застенке. Видевшая, как ее брата и еще одиннадцать человек немцы увели из каземата, чтобы живыми закопать в землю. Разведчик Иван Васильевич Дьяконов, трижды отмеченный самой славной солдатской медалью — «За отвагу». Пулеметчица Валентина Семеновна Канунникова, потерявшая на войне ногу, но сумевшая пройти хорошую, большую жизненную дорогу. Пограничник, в числе первых встретивший врага и участник битвы за Берлин, фронтовая медсестра и девчонка, угнанная на работы в фашистскую Германию... Их голоса и сейчас звучат в нас, то тихие, задумчивые, то громкие, гневные, то ликующие, победные. С тех огненных рубежей звучат: «Мы уходили с границы, а старики говорили нам: «Да как же?..» Женщины не то что плакали — голосили. А что мы могли?..», «Били резиновой дубинкой, начиненной свинцом: «Кого вы знаете из партизан? Назовите комсомольцев? С кем вы работали?..», «Не хотелось жить, но тут к нам в госпиталь приехал Алексей Маресьев...», «Танк движется

на нас, и я чувствую: волосы под шапкой поднимаются. Одиннадцать снарядов «за молоком» послал, а двенадцатым я его так влупил, что он на 180 градусов повернулся и загорелся...», «Служу Советскому Союзу!», «Командир поднял руку: «Мы бьем по рейхстагу! Приказываю: снарядов не жалеть, а самим оставаться живыми»... Тихо листает память незримые страницы — и хочется громко, вслух перечитать их все!

Но сегодня мы решили рассказать три истории, вроде бы и не связанные между собой. Одна из них — о герое, получившем высшую награду Родины, медаль «Золотая Звезда», на поле брани. Вторая — о вдове в голодные, холодные годы, приютившей детей, которых война сделала сиротами. Третья — о женщине, взрастившей мечту погибшего солдата, и мечта эта через десятилетия расцвела в душе внуков песней. Подвиги бывают разными. Разными бывают герои...

УЛИЦА НИКОЛАЯ ОЛОВЯННИКОВА

Это история человека, мальчишкой мечтавшего подняться к звездам. Шли годы, и он обрел крылья, и Золотая Звезда заблестела на его груди. А еще спустя долгие десятилетия, уже в двадцать первом веке, некий молодой человек взял в руки нож и попытался эту самую высокую награду Родины у ветерана отнять.

Но по порядку. Николай Ефимович Оловянников родился 22 декабря 1922 года в деревушке Медвенского района с неприглядным названием — Скотское. И жизнь была неказистая. Тяжелая была жизнь. В 1925 году умер отец. Мать уехала на заработки в Донецкую область — в Константиновку. Коля с сестренкой Тоней остался под доглядом отцовых родителей. Незатейлив медвенский пейзаж, но небо... Ничего нет заманчивее для мальчишеского сердца, чем его раскрытые объятия. И потом, когда мать забрала детей в Константиновку, тяга к звездам не ослабла — набрала силу.

Над страной летел крылатый призыв: «Молодежь на самолеты!» В шестнадцать лет Н. Оловянников поступил курсантом в Артемовский аэроклуб. Закончил его весной 1941 года и, радостный, по-юношески переполненный мечтами и планами, был отправлен домой ждать вызова для прохождения дальнейшей учебы в школе пилотов. Будущий Герой не мог даже предположить тогда, какую летную школу пройдет. Уже шесть дней огненный вал войны катил по стране, когда Николай получил повестку. Провожал его на войну дед. Пожелал стать хорошим летчиком, а главное — остаться в живых. Оба наказа его героический внук выполнил.

Ворошиловградская военная авиационная школа пилотов пережила все трудности огненного времени. Эвакуация в Уральск, когда десятки километров курсанты, голодные и холодные, одолевали пешком. Вот и на новом месте разместились, а легче не стало. Кормили плохо. Юноши сами готовили самолеты к полетам, сами их охраняли, несли на своих неокрепших плечах многочисленные хозяйственные заботы. Но они не жаловались. Все были комсомольцами. Стремилась как можно быстрее закончить школу и попасть на фронт, чтобы самим участвовать в войне с фашистскими захватчиками.

Их мечта исполнилась горячим летом сорок третьего года. В июле Николай Оловянников вернулся на родную Курскую землю. Он пришел сюда, чтобы отнять ее у глумящегося над нею врага. Вернее — не пришел. Прилетел. Младший лейтенант Оловянников являлся пилотом лучшего штурмовика второй мировой — Ил-2. Наши бойцы называли его «летающим танком». Немцы — «черной смертью». 12 июля 1943 года на Орловско-Курской дуге Оловянников получил боевое крещение. Он поджигал в небе фашистские «мессеры», поливал огнем артиллерию, бронемашину, живую силу врага на земле, чтобы небеса эти, манившие его в детстве, чтобы земля эта, по которой бегал он босиком, очистились от фашистской нечисти. Чтоб расцвели на ней

Победа и мирная жизнь. За период Курской битвы Николай Оловянный совершил 15 боевых вылетов. Его первая награда, орден Красной Звезды,— за освобождение малой родины, Соловьиного края.

Впереди лежали небесные версты войны. Н. Е. Оловянный освобождал Ельню, Смоленск, Оршу, Витебск. К августу 1944 года совершил 100 боевых вылетов. 26 октября ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Сокол, родившийся на Медвенской земле, нес свободу Польше, громил фашистов в Восточной Пруссии. Мастерство Оловянного вошло во фронтовые легенды. Он теперь сам водил звено в бой. Одним из первых в дивизии освоил полеты на предельно малых высотах, что давало возможность внезапно обрушить огневую мощь на не ожидающего нападения врага. Летал над передним краем противника на высоте каких-то 5—10 метров! А следом летела смерть. Однажды подошел к немецким позициям на высоте 6—7 метров. Ошарашенные гитлеровцы в панике забегали по окопам. Но вот враг ощерил зубы, ударил по краснозвездному самолету из автоматов, крупнокалиберного пулемета. Оловянный принялся маневрировать и зацепил пропеллером о землю. Самолет слегка затрясло. Еле дотянул до своих. Когда приземлился, увидел: все три лопасти винта согнулись. Командир полка хлопнул Николая по плечу: в рубашке родился, Герой! Если б хоть одна лопасть не уцелела, самолет от вибрации развалился бы в воздухе.

Близко-близко заглянули в холодные глаза смерти и друзья Николая Ефимовича. Их в полку трое было из Донбасса — Оловянный, Николай Штангеев и Василий Чичкан. Дружили сильно. Ну и летали неплохо. В полку даже шутка ходила, что не отлили еще фашисты пулю на Штангеева, Чичкана и Оловянного. Но в октябре 1943 года война (в который уже раз!) попыталась доказать, что она сильнее мужества и мастерства. Штангеев не вернулся с боевого задания. Что с ним случилось, никто не знал. Оловянный попросил разрешения вылететь на поиски в район, где мог находиться товарищ. Но ему отказали. А через неделю Николай вернулся сам. Оказывается, он был ранен в том бою. Чудом дотянул до нашей территории. Теряя сознание, посадил самолет в поле. Не успели друзья порадоваться воссоединению, как пропал без вести Василий. В полку его считали погибшим. Но вдруг в марте 1944 года и он воскрес из мертвых. Чичкан рассказал свою историю. Его машина была подбита. Он выпрыгнул из горящего самолета и увидел бегущих к нему гитлеровцев. Отстреливался до последнего патрона. Тяжело раненным попал в концлагерь. Бежал под новый, 1944, год. Долго пробирался к своим и наконец вышел к белорусским партизанам. Народные мстители отправили летчика самолетом на Большую землю. Оловянный, когда Василия увидел, хотел к нему подбежать, обнять. А ноги как онемели. Только и смог спросить: «Жив?..»

Воссоединившихся друзей щелкнул тогда военный фотокорреспондент Михаил Захаров. К ним, «солдатам пера», было на войне особое уважение. Они, «с одним наганом первыми входившие» в освобождаемые советские города, знали, о чем писали. Корреспондент «Красной звезды» Константин Симонов, оперативно доставивший в Москву материалы о первых днях войны, чудом вырвался из окружения под Могилевом. Отдал жизнь за Родину Гайдар. Сотрудник армейской газеты «Отвага» Муса Джалиль до последних минут жизни не выпускал перо из рук. Петр Лидов, первым рассказавший со страниц «Правды» о подвиге Зои Космодемьянской, душу свою положил «за други своя» летом 1944 под Полтавой. Долматовский, работавший во фронтовой газете, раненным попал в плен. Бежал. А в 1945 году Долматовский был в Берлине. Видел, как начальник германского генерального штаба Кребс шел с белым флагом к советским грозным частям. Журналист «Правды» Горбатов в столице Третьего рейха написал свою самую главную статью — о безоговорочной капитуляции Германии.

Корреспонденты и поэты, пехотинцы и летчики были единой армией. И сменив военную форму на гражданскую одежду, они продолжали также мужественно и бескорыстно отдавать себя Родине — воскрешали к жизни израненную страну, охраняли священный огонь Памяти. Долгие годы пламя это являлось нравственным маяком для убеленных сединами и юных. Но вот что-то нарушилось в нашей стране... Недавно к бывшему командиру звена 312-го штурмового авиационного полка Герою Советского Союза Николаю Ефимовичу Оловянникову явился молодой человек, представившийся корреспондентом «Красной звезды». Удостоверившись, что девяностолетний ветеран дома один, гость достал нож и потребовал: «Золото, деньги, Звезду Героя!» — все вышеперечисленное он ставил на одну доску. Грабитель ушел, унося с собою несколько тысяч рублей, муляж Золотой Звезды (оригинал, к счастью, оказался на хранении) и орден Ленина. Подонка не нашли. Вот такой, новый и неожиданный, поворот в истории о деревенском мальчике, взлетевшем к звездам. Впрочем, такой ли уж неожиданный?

Не в одном ведь лжекорреспонденте дело. Сколько их в последнее время, молодых людей, не нюхавших пороха, с ножом в руке идет на военное наше прошлое. Могли ли предположить Зоя Космодемьянская и Александр Матросов, 28 панфиловцев, что однажды явится близорукий компьютерный неандерталец и скажет, желая явить сенсацию: «Подвига не было»? Могли ли угадать идущие на смерть батальоны, что и само самоотречение их будет рассмотрено соотечественниками под кривой лупой недоброжелательства и во всем найдены просчеты, грехи, ущербность? Знать бы останавливавшим немецкие танки пехотинцам, какой грязевой поток хлынет на советского солдата из новых фильмов, статей. И из потока этого выйдет некий молодой человек с ножом в руке и позвонит в квартиру Героя Советского Союза... А если бы знали? Все равно бы отдали жизнь и за нас, чтущих великое прошлое своей страны, и за этих поджигателей и подрывателей. Потому что жизнь отдавали за Родину. Вот и Оловянников веры в молодое поколение не утратил. Часто встречается со школьниками, с призывниками. У этих встреч долгая история. С победного сорок пятого.

Демобилизовавшись, Николай Оловянников посетил родной Медвенский район, где выступил перед земляками. Потом махнул в ставшую не менее родной Константиновку. И новые встречи, новые выступления. Секретарь горкома комсомола спросил двадцатидвухлетнего Героя: «Вручили вам именной самолет, который купили на деньги, собранные молодежью Константиновки?» Земляки по трудовому рублю собрали нужную сумму, когда на груди Николая Ефимовича засияла медаль «Золотая Звезда». Послали телеграмму товарищу Сталину с просьбой купить на эти деньги Оловянникову самолет и получили ответ, что просьба их будет удовлетворена. Улыбаясь, Николай ответил, что полк переучился на новые самолеты Ил-10. И у него есть такой новый самолет. Но никогда на его фюзеляже уже не будет надписи: «ГСС Оловянникову от молодежи г. Константиновка». Потому что война закончилась. И отныне будут новые, все более совершенные самолеты. И он на них летать будет (Николай Ефимович впоследствии закончил Военно-воздушную академию). И высокое ясное небо будет. Войны не будет. Тогда жители Константиновки выступили с новой инициативой: назвать школу, в которой учился Оловянников, его именем. Но и тут не заладилось.

Накануне 70-летия победы в Курской битве мы разыскали в Москве Н. Е. Оловянникова (связь медвенцев с ним много лет назад была потеряна) и через районную газету предложили назвать одну из новых улиц поселка именем Героя. Дабы не «распадалась связь времен», не вырастали дети наши бездушными негодьями, для которых в сочетании Золотая Звезда главное — цена металла. Дабы на улицах, носящих славные имена земляков, окунались они в первые, самые главные радости, постигали

первые, самые главные уроки жизни, вращались корнями в эту землю, заглядывались в эти небеса, становились настоящими людьми.

Улица Николая Оловянного будет.

БАБА НАСТЯ

А была она уж совсем не похожа на героя. По прошествии долгих нерадостных лет видится она нам, как в легкой дымке, окутанная солнечным светом, льющимся из маленьких окошек деревенской ее избы. Маленькая аккуратненькая старушка с удивительно добрым круглым лицом. Вся какая-то уютная, мягкая, славная. И доброту источает негромкий ее голос. Слов за далью лет не разобрать. Только помнится, говорилось что-то хорошее, что-то важное, очень нужное, родное...

Баба Настя! Удивительная наша старушка! Давным-давно покоишься ты на старом, густо заросшем сиренью пойменовском кладбище, а в душе все живешь, заключенная в золоченую раму истаявшего августовского дня. Не будь тебя, доброты твоей, и нас не было бы на свете, возможно. Впрочем, почему — возможно? Точно бы не было! Не явись этот светлый ангел в нужный срок, злой ветер черной беды унес бы куда-нибудь далеко-далеко нашего отца. Но обо всем по порядку.

Баба Настя приходилась нам двоюродной бабушкой, а отцу нашему, соответственно, — теткой. Это если формально следовать семейным связям. На самом деле стала она отцу нашему матерью, строгой и доброй, такой, как могла стать — без хитрости, без книжной мудрости, без какой-либо задней думки, что где-то ей это когда-нибудь да зачтется... Совершила в тяжелую годину свой маленький подвиг — материнства. Хотя бывают ли подвиги маленькие? И так ли легко его ей было совершить?

От папиного отца, Артемова Андрея Андреевича, осталась у нас только довоенная полуманная по концам, но удивительно четкая фотография. Два красноармейца в буденовках как бы закуривают на фоне тяжелого занавеса. На лице того, что справа, явно проступают знакомые черты. Черты отца нашего, те, что мы ловим, бросая мимолетный взгляд в зеркало на себя. Красноармеец так серьезен, позируя фотографу, так юн. Совсем мальчик. Наш дед, так никогда и не ставший дедом.

Он пропал без вести в 1943 году под Смоленском. Уже позднее, когда начали возвращаться с боев второй мировой израненные солдатики, когда вдовы стали стучаться к ним в окна черными кулаками: «Не видел ли мово где?..» — один из них сказал, что видел. И что видел — рассказал. Ничего не скрыл от надломленной горем женщины. Выпустил страшную ледяную правду и в детский мир.

Рядовой Артемов попал в концентрационный лагерь. Задумал с товарищем бежать. Но товарищ этот в последний момент испугался. А дед наш, уже пробравшийся за ограждение и верный слову, ждал, пока не схватил его немецкий патруль. «Били, издевались», — так ясно звучит в памяти голос рассказывающего нам о давней трагедии отца. И сам он перед глазами — пятидесятилетний, зябко сжавшийся, какой-то маленький, незащитный — сирота! «Били, издевались...»

Мальчика в буденовке замучили в фашистском концентрационном лагере. Так невыносимо думать, что был он один на один со всем этим библейским ужасом. А на нестаряющей фотографии он полон надежд и жизни, юн и старательно серьезен, хотя любил веселый розыгрыш и шутку, и жизнь, конечно, тоже любил...

Мудрый, но не очень счастливый народ наш заметил: горе в одиночку не ходит. Вскоре снесли на погост и молодую вдову Катерину. Тяжелая склизкая глина, которой так много в наших местах под пластами чернозема, засыпала натруженные руки и добрые глаза, ласку и тепло — мамку нашего папы засыпала! Остался он с младшей сестренкой Раей. Некоторое время дети хозяйничали самостоятельно. А хозяй-

ствование — смех и слезы. Папа был так мал, что чтобы вытащить горшок из остывшей печи, забирался в нее. В общем, сиротское житье!

И вот тогда пришла тетя Настя — сестра сгинувшего в фашистской неволе Андрея. Быстрым внимательным взглядом обвела ветшающий дом, погладила мимоходом сирот по опущенным головам — и забрала. Да. В голод, в продутые всеми стылыми ветрами годы взяла вдова за руки двух ребят и привела в свой домишко. И стало в нем — семеро по лавкам! Нет. Не ради красного словца написано это. Ведь еще пять своих детей было у Авдеевой Анастасии Андреевны. Впрочем, и приемыши стали своими. Когда через несколько дней приехали за сиротами из детдома, те дружно заголосили: «Не поедем!» При этом Рая судорожно, мертво вцепилась в тетю Настю, а Витя — в ее сына, своего ровесника, Акимку...

Давно это было. Очень давно. Уже беспощадная трава надежно скрыла последний приют бабы Насти. Уже восемь лет нет папы. Но помнится, как на глупый детский наш вопрос: «А своих баба Настя больше любила?» — мотнул он упрямо густым чубом: «Одинаково относилась», — и в ярко-синих глазах его дрогнула обида на нас, дурочек несмышленных.

«Относилась как к своим», — подтвердила тетя Рая нам же, но уже тронутым сединой, умудренным жизнью, желающим как можно больше узнать о далеком своем прошлом, нити которого держат другие люди. Что свои, что приемные садились рядом за стол и наслаждались вкусом картошки в мундире и молока с черным хлебом. Что свои, что усыновленные трудились на огороде, пасли гусей, заготавливали сено... Наш отец нашел ту заводскую проходную, которая и вывела в люди деревенского паренька (совсем как в любимой его песне!). Этой дорогой в большую жизнь стала проходная тогда славного полного созидательного шума Свободинского электромеханического завода. Здесь 40 лет проработал наш отец токарем. Неоднократно был победителем социалистического соревнования. Фотография его висела на Доске почета. Он входил в профком, в совет директоров. Кровью обливалось его сердце, когда в годы перестройки все меньше людей шло через любимую проходную и с натугой, с переборами работало вчера еще мощное сердце завода. Был наш отец горяч, скор на подъем. Очень уважал живое общение. Был удивительным мастером и любителем пошутить, разыграть. И хоть из-за изломанной судьбы своей получил весьма скромное образование, читал запоем. До последних минут жизни держал в руках книгу.

Тетя Рая нашла свою судьбу в Москве. Стала передовой ткачихой. Доросла до мастера. Была парторгом цеха. За ударный труд награждали бывшую босоногую пойменовскую девчонку в самом Колонном зале.

Каждое лето приезжала она с дочерью и мужем-кинооператором киностудии имени Горького из горделивой столицы в задремавшее у пруда с голосистыми лягушками Пойменово — к бабе Насте. Каждый август, как только поспевали вкуснейшие, пропитанные соком и солнцем груши дюшес, мы, нагруженные медоносными плодами, отправлялись к бабе Насте в Пойменово. И лился в маленькие окошки щедрый свет. И тихая старушка ласково улыбалась нам, добавляя еще света, стремилась угостить: «А съешьте моего яблочка...»

Баба Настя... Баба Настя... Скромная героиня! До того, как усыновила она детей погибшего Андрея, уже раз совершила тот же самый подвиг материнства. В годы раскулачивания сослала в неизвестную гибель брата ее мужа. Жена несчастного от горя покончила с собой. Двух их дочек и вырастила мама Настя — хрупкая женщина, инвалид, с трудом ходившая из-за покореженной ноги. И такой интересный факт. Мать нашей героини, Мария Васильевна Артемова, имея своих трех детей, тоже усыновила ребенка.

Давно это было. Очень давно. Так давно, что жизнь успела изуродоваться, из-

мельчать, вывернуться наизнанку. В наш сытый век, через 70 лет после самой разрушительной, самой беспощадной в истории человечества войны, не видевшие жестокости ее матери бросают ребятишек в роддомах, засыпают трепещущие тельца мусором в вонючих контейнерах, забивают младенцев до смерти...

А те женщины военных лет, исхудалые до прозрачности, с ног падающие от неженской усталости, выхаживали не только своих кровиночек, но и осиротевших ребятишек родственников, и совсем незнакомых людей. Чтоб зарубцевались кровотокающие раны в детских душах, чтобы в ту большую ждущую их жизнь вышли они людьми, знающими что такое дом и родное место, ни одна из них не съела лишнего куска, не купила себе не то что алых дешевых бус — новой рубахи, не подладила стареющую хату... Зачастую это были простые малограмотные бабы, хорошо знавшую только одну, но главную науку — человечность. Жаль, не нашли мы статистики, сколько же было таких Матерей в Советском Союзе в годы войны и сразу после нее. Жаль, что не давали этим героиням медали, не ставили памятники. Впрочем, как мы уже говорили, баба Настя никогда не считала, что совершила что-то необыкновенное. Ведь она просто любила брата, любила его детей. Любила нас...

НАСЛЕДСТВО

Последней погибла елка. Она держалась дольше других. И когда не стало уже медоносных лип, когда отзвенел серебристой листвою тополь, отсиял закатным золотом русский клен, отлепетала мелкими листочками осина, ушли куда-то в вечное небо ясени, елка вскидывала еще мощно темно-зеленые лапищи. Жила. Зачищенный снизу ствол смело уносил в невообразимую вышину треугольную макушку. Елка возвышалась над немаленьким нашим селом, единолично царила в лазоревом небе. Подъезжая к дому, мы видели ее еще с моста, за два километра. Тяжелые ветви чуть опускались вниз, точно старая рука в приветствии: «Вернулись, блудные дочери. Надолго? Вернулись...» Мы всегда возвращались. Оторванные тяготами перестройки от родного гнезда, вынужденные искать работу в другом районе, мы рвались домой каждый свободный выходной, так весной неразумные травы и цветы рвутся сквозь тяжкую корку земли к свету. Так птицы верно возвращаются домой из далеких краев. Впрочем, в нашем случае края эти были не такими уж и далекими. Нам и самим удивительно, как какие-то жалкие семьдесят километров могут лечь черным полем тоски между большим, настоящим — и почти нереальным, вечно временным и, в общем-то, не нужным. Может, потому, что на месте работы 20 лет у нас только и было — душно-маленький номер в гостинице, скудно-бетонный вид из окна второго этажа и ни шага собственной земли. А дома нас ждал родительский дом, убегающие к горизонту просторы, на красоту которых никто никогда не предъявлял права и потому с младых лет мы привыкли считать их своими. А еще был сад. Покой его, как исполинский страж, охраняла красавица елка. Это не был просто кусок возделанной земли со старыми деревьями. Он был самой красотой, верой и мужеством, силой и правдой, добром — тем, что столь же мощно сконцентрировано, пожалуй, только в сказках, храмах и песнях. Да он и был для нас ими! Сад-песня. Сад-храм. Сад-сказка. Сад-жизнь...

В 30-е годы двадцатого века здесь некрасиво горбатились глиняные рвы. И вот наш дед, Григорий Иванович Арепьев, получив неприглядность эту под усадьбу, начал возить благодатный чернозем. Потом ровными рядами насадил яблони и груши. Общим числом 33 штуки. А как только саженцы укоренились, занялся прививкой. У него оказались легкие руки прирожденного садовода. Дички принимали благородные соки старых сортов. А рядом, не мешая друг другу, нашли себе место кусты смородины, малинник, вишенник, сливы разных сортов, розы, малюсенькая елочка... Он

много чего успевал, одаренный этот человек. Дед маслом писал картины, сам, своими руками, собрал радиоприемник и слушал Москву, ходил на охоту, много фотографировал, в том числе бывший мужской монастырь Коренную пустынь. Он бы успел еще больше! Но началась война.

Земляк, шедший с ним на призывной пункт, предложил вернуться в родные хаты, отсидеться под надежным кровом, выждать. Дед сказал: «Нет. Победа будет за нами». И каждый пошел своим путем. Один — домой, потом конюхом в какие-то штрафные части, потом — опять домой. А дед наш — на фронт, к неизвестной гибели в страшном 41-м году. Было ему тогда 35 лет.

А дома ждали солдата мать, дочка и сынок, сад-малютка и любимая жена Пелагея Ивановна со всем этим хозяйством на руках. Вода находилась далеко — туда и обратно километра полтора. Нести ее нужно было на горку. И вот бабушка, хранившая в памяти маленькое дворянское поместье предков, гордившаяся, что бабушку ее крестил князь Мещерский, с тяжеленными ведрами спускалась к ключам и два раза в день поливала и яблони, и груши, и вишни, и ясени, и липы, и елочку... Маленький огород не мог прокормить семью. По вечерам после работы бабушка шла в лес и ломала на растопку валежник. Но пустить под грядки или на обогрев крепчающий сад — Боже упаси! За все голодные, холодные годы бабушка срубила на растопку только одну грушку и то потом долго жалела по ней. Она так истово, так молитвенно сохраняла сад прежде всего, конечно, для него — для хозяина. Но сохранила в конечном итоге только для нас. Все возможные беды опалили жизнь бабушки: полицаи водили в немецкую комендатуру дознаваться, где ружья мужа; в 17 лет трагически погиб ее сын — умница, отличник, спортсмен. В день, когда отлучилась в соседнее село на встречу с вернувшимся с войны родственником и наплакалась там опять по своему, единственному, не вернувшемуся, сгорел дом.

Все это видел сад. Развивающийся из коротеньких веточек-прививок, он долго не плодоносил, но, когда вошел в силу, стал маленькой местной достопримечательностью. Один наш родственник-москвич по пути домой с юга заехал к нам за яблоками. Так коллега на работе спорил с ним, что не помещавшиеся на ладони титовки не могли вырасти в средней полосе России, плоды, мол, южные, и он друзей разыгрывает. Повзрослев, сад начал понемногу зарабатывать денежки. Правда, были они небольшие, чисто символические. За свои груши и яблоки рыночные деньги как-то брать стеснялись. Точно и вправду росли светоносные плоды сами по себе, не требуя ухода. А ведь осенью каждая яблонька окапывалась, весной раскораживалась, а опилка, а вырубка, а осторожный, чтоб не повредить сучков, сбор плодов, а переработка падалицы... Но это не от обиды — просто к слову пришлось. Из вишен на ножках бабушка сплетала красивые кукурузины и продавала на ярмарке. Самый большой спрос был на сладкие, пахучие, не уступающие южным груши дюшес. Из мелкой золотистой янтарки получалось красивое старорусское варенье. Груши и яблоки запаривали, сушили, пекли, пускали на компоты... Каждый новый год на столе у нас красовались рубиновые яблоки весна. Мы хрумкали ими даже в марте. Сад трудился с нами и удовлетворенно дарил от щедрот своих.

Мама учила нас любить и уважать его как родного человека.

Весной сад дышал ароматом и тронутой розовым белизной, как спустившееся с небес облако. Осенью он устилал землю яблочным ковром. И такой в нем стоял одуряющий дух, будто находился ты внутри пирога с повидлом. И весь он светился медово. Зимой сад принаряжался в одежды, сотканые из лучей и самоцветов. Вечером, ожидая родителей с работы, мы свет не включали: так было уютнее ждать. Тихонько работало радио: шли интересные передачи для школьников. Кухня освещалась отблесками из весело потрескивающей печки и прощальными лучами солнца. Скользя

сквозь ветки яблонь, оно опускалось в крепкий снег и омывало его малиновым. И сердце омывалось этой красотой. В метели сад шумел и плакал и завораживал музыкой ветра. Круглый год сад заботливо приманивал для нас птиц: чечеток и снегирей, дятлов и соловьев, соек и ласточек и множество иных неизвестных пичужек. Все наше детство освещено садом, как добрым мудрым солнцем. Он, цветущий среди скучных прозаичных соседских огородов, дарил нам ощущение избранности, причастности к чему-то высокому, непреходящему. Может, потому и проросли в душе стихи, что цвел сад...

Он жил нашей жизнью. В ту весну, когда умер папочка, любимая его яблонька путимовка одна из всего сада не покрылась белой шалью, словно вместе с нами решила носить траур. В неустойчивом предательском мире сад казался незыблемой точкой опоры. Он напоминал нам об огромном, узанном только по рассказам мамы саде наших предков-помещиков, выходившем сразу в лес. И пробуждал в нас чувство родства с нереально далекими, но такими близкими людьми, чьи сердца тоже сладко больно бились от ускользающей красоты родной земли.

А потом сад начал умирать. Упрямо он цеплялся еще за высокое недостижимое небо хрупкими своими ветками и цвел вопреки наступающей сухости, и покрывался мельчающими плодами. Восковку, неохватную развесистую грушу, мы спилили в сентябре. Первой с ней простилась Наталья. Как взошло солнце, подошла и поцеловала нежно шершавый ствол. Когда-то взбирались по нему высоко-высоко. И груша раскрывалась, как друидический дворец с переходами, площадками, с навесными коридорами. И всюду, как лампочки, горели плоды. Кончились груши. Прощай, милая восковка. Не стало янтарки, чьи цветы в мае сплетались в такое тесное кружево, что ни листочка не проглядывало. Исчезли лешинские яблоки, тяжко бившие в июле о землю, о крышу сладко-кислыми крупными плодами, разламывающимися сразу от удара на две пахучие половинки. Уже не попробуем мы наливавшийся соком до солнечной прозрачности свечковые яблоки. Перестал благоухать малинник. Не ловят в себя июньский воздух полосатые бочонки крыжовника. И вот погибла елка. Ее свела со свету аномальная жара. А мы, неразумные, поливая цветник и молодые деревца, забыли о великанше, слепо веря в ее силу.

Мы стараемся удержать ускользающую красоту. Но нам, пытающимся восстановить сад в прежней красе, продавцы фыркают в лицо: «Вы старые сорта спрашиваете. Таких сейчас нет. Кому они нужны?» Нужны. Нам. Эти старые пахучие нежные сорта, вырвавшиеся из сгинувших помещичьих усадеб, намного вкуснее дубильных вымученных селекционными опытами новых. Во всяком случае — для нас. Приходится брату прививать дички почками от старых деревьев. Новый сад будет долго не плодоносить.

Сегодня сад, конечно, не тот. Но в сердце четко проложены его аллеи. В нем сад такой, какой явился нам на рассвете нашей жизни и в свой расцвет. И если там, за последней чертой, есть все-таки некая Богом данная земля, и если нам позволят, мы попадем в знакомый до боли сад. Где нетронутыми будут возноситься в вечность восковка, липы, елка... Мы пойдем по прямым его аллеям к закату солнца, и в конце нас будут ждать папочка, бабушка. И дедушка — Арепьев Григорий Иванович.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К очерку «Улица Николая Оловянникова»

Н. Оловянников в годы войны...

и в мирное время

К очерку «Баба Настя»

Баба Настя с сыном Иваном и невесткой

Наш дедушка Артемов Андрей Андреевич (справа)

К очерку «Наследство»

Довоенные фотографии, сделанные нашим дедушкой Арепьевым Григорием Ивановичем:

Молодой сад

Храм на пути в Коренную пустынь — во имя святых и праведных Богоотец Иоакима и Анны; в народе церковь называют — Акиманна

Санаторий на месте бывшего мужского монастыря Коренная пустынь; на снимке не видна еще одна скульптура — женщина подает ружье сыну; во время оккупации фашисты ее взорвали

Хозяйка сада наша бабушка Арепьева Пелагея Ивановна

Арепьев Григорий Иванович

Олеся Янгол
Виталий Ковалев
(г. Юрмала, Латвия)

**ГОЛУБАЯ ЛАВОЧКА
С ВИДОМ НА ЗАКАТ**

(Третья книга саги «Побережье наших грез»)*

4

И пришел новый день. Горланит соседский петух, припекает щеку солнце, пробившееся сквозь занавеску. Шмель влетел в комнату, поносился по ней, стукнулся о стену и снова вылетел в окно.

Одеваясь, подумал, а не махнуть ли сегодня на рыбалку? Теперь я свободен. Сам себе хозяин. Да, сегодня повелеваю себе идти на рыбалку.

Решил было на завтрак приготовить салат, но увидел, что закончилось оливковое масло. Как это я вчера забыл его купить? Надо будет еще раз заскочить в магазин, и заодно купить овсянку для прикормки. И сразу же на рыбалку.

Но планам моим не суждено было осуществиться.

Подходя к магазину, я увидел ту девушку, с вокзала. Она присела на корточки у двери магазина и что-то искала в своей большой сумке. Подходя к ней сзади, я увидел, как майка на ее спине приподнялась, джинсы приспустились, открыв взору черные кружевные трусики. С них я перевел взгляд на ее очень светлую тонкую кожу с едва заметными, словно разводы на белом мраморе, голубоватыми прожилками.

В магазине она оказалась в очереди сразу за мной. Никогда еще мы не стояли так близко. Я даже почувствовал ее пахнущее леденцом дыхание.

Из магазина она вышла сразу же за мной. Я хотел уже переходить дорогу, как вдруг услышал за спиной голос:

— Можно тебя на минутку?

Я оглянулся. Она стояла на ступеньках магазина с бутылкой молока в руках.

Глаза ее теперь были скрыты за большими солнцезащитными очками с красными и золотыми сердечками на темных стеклах. Мне показалось, что губы ее пытаются подавить улыбку, которая все равно проступала в напряженно подрагивающих уголках губ и округлившимся щекам.

— Ты часто покупаешь молоко в этом магазине? — спросила она.

— Да, часто.

— А ты, — она встряхнула двумя руками бутылку молока перед лицом, словно разглядывая ее на просвет, — ты не замечал, что иногда оно бывает несвежее?

— Нет. Не замечал. Да и на крышке ведь всегда написан срок годности.

— А ты бываешь в Каугури?

— Бываю.

* Продолжение. Начало в № 4, 2016 «Приокских зорь».

— А ты знаешь там рыжеволосую девушку-парикмахера?

— Я там вообще никого не знаю,— ответил я, приглядываясь к ней и пытаюсь понять, что это у нас за разговор получается.

— А если я покажу фотографию? Ты сможешь сказать, знаешь ты ее или нет?

Я разглядывал ее напряженные губы, пытающиеся подавить улыбку и цветные сердечки на очках. Отражение облаков и верхушек сосен на темных стеклах не давали мне возможности разглядеть ее глаза.

— Нет. В Каугури я никого не знаю,— сказал я.

— Совсем никого? — произнесла она с какой-то грустью в голосе.

Озабоченно-грустная складочка появилась между ее бровей.

— Никого.

— Ну что же,— сказала она после небольшой паузы, подняла с земли тяжеленную сумку и закинула лямку на плечо.— Очень жаль!

Последнее слово она произнесла с такой интонацией, что я вдруг почувствовал — оттого, что я сейчас сделаю, жизнь моя может как-то измениться. Я вдруг увидел себя словно на распутье, в центре радиально расходящихся от меня дорог. И по одной из этих дорог уходила она с тяжелой сумкой на плече. По какой же дороге идти мне?

— Подожди! — окликнул я ее, догоняя.

Она обернулась.

— Хочешь, помогу донести сумку? — предложил я.— Она же тяжелая. У меня время есть. Никуда не спешу.

— Спасибо, что предложил,— радостно ответила она.— У меня второй день рука болит. Проснулась и чувствую, что болит. А ведь никто во сне меня не бил. Странно, с чего бы ей болеть?

Я подхватил ее сумку, и мы пошли по краю шоссе. Мимо нас изредка проносились машины. Стрекотали в разогретой траве кузнечики. Пахло свежескошенной травой и какими-то цветами. Она шла чуть впереди меня. Голова опущена, золотая цепочка поблескивает на шее.

— Тяжелые сумки ты таскаешь с больной рукой,— заметил я.

— На целый месяц накупила. Про запас. Мало ли, вдруг заболела. Кто мне тогда поможет? Я ведь сейчас одна живу. Это со вчерашнего дня нас двое, а до этого была одна.

— Это хорошо, когда ты не один,— согласился я, не совсем ее понимая.

— Это я про свою левую руку говорю. Вчера решила сварить суп, вижу, правой рукой ничего не могу делать. Вот, я левой руке и говорю — давай-ка подруга, принимайся за работу. Лучок порежь, морковку потри. Она — ни в какую. Мол, не умею, отродясь такого не делала. Но я ее заставила. И что ты думаешь! У нее все получилось. Все она умеет. Так что, ты знай, с левой рукой надо поосторожнее. А то норовит ни фига не делать.

— Ты далеко живешь? — спросил я и почувствовал, что мне приятно говорить ей «ты», словно мы давно знакомы.

— Возле моря. Сейчас через лес пойдем. Так быстрее получится.

Она оглянулась, посмотрела на меня и вдруг заметила что-то за моей спиной.

— Смотри-ка, кто едет! — произнесла она, внимательно вглядываясь в даль.

Я оглянулся и увидел мотоциклиста. С треском и грохотом он приближался к нам по шоссе. Дорога вокруг него подрагивала от солнечного жара, и мотоциклист отражался в голубых, миражных лужах на шоссе.

— Скорее помаши ему рукой,— сказала она мне.

— Зачем? — удивился я.

— Да помаша же, а то сейчас проедет, и ты не успеешь.

Мотоциклист приблизился к нам, и я помахал ему рукой. Проезжая мимо, он улыбнулся и тоже помахал мне рукой.

— Кто это? — спросил я.

— Не знаю. В первый раз его вижу, — сказала она, сворачивая на лесную тропинку. — Вот по этой дорожке выйдем к моему дому.

— А... зачем же ему надо было махать? — удивился я.

Она оглянулась на меня и сняла очки. Теперь я увидел, что глаза у нее были темно-карие, и какие-то... жаркие.

— Ты разве не заметил, как ему это было приятно, — ответила она. — Представь, едешь ты по дороге, а незнакомый человек вдруг машет тебе рукой. Чувствуешь? Это же так здорово!

Идя следом за ней по лесной тропинке, я раздумывал над ее словами. Тропинка становилась все уже, и идти пришлось теперь друг за другом. Она шла впереди, а я за ней.

— Знаешь, что я тебе скажу, — сказала она, — вся эта литература, кино, поэзия — все это чушь.

— Неужели! — удивился я, огорошенный таким приговором всему, что так люблю. — А что же не чушь?

— Жизнь, — ответили она, и полуобернулась ко мне. — Только одна жизнь не чушь. Вот ты помахал сейчас человеку рукой, и сделал в жизни что-то настоящее.

Пригибаясь под низкими ветвями, мы все дальше шли по тропе. Пятна света скользили по ее голым плечам. Пахло сосновой смолой и грибами. Она шла, чуть склонив лицо вниз, и смотрела себе под ноги. И тут только мне пришло в голову, что я ведь до сих пор не знаю, как ее зовут. Но только подумал об этом, как она, не оборачиваясь, сказала:

— Мы сейчас идем с тобой по дорожке, как Винни Пух с Пятачком. Я Винни Пух, потому что иду впереди. А если мы вдруг повернем назад, то ты станешь Вини Пухом, а я Пятачком. Но Вини Пухом быть лучше.

— Почему?

— Потому что, если ты Винни Пух, то можно помечтать о горшочке с медом.

Она отвела рукой ветвь карины, густо усеянную темными ягодами, и показала рукой на большой светлый дом, стены которого были увиты виноградом. Вокруг него высились сосны, за которыми сгустились прохладные лесные тени, в которых то тут, то там ярко горели ветви папоротников, озаренные косыми лучами солнца. Море шумело за соснами, оно было совсем рядом. Ветер доносил сюда его солоноватый аромат.

— Здесь я живу, — сказала она. — Вход в дом с другой стороны, там, где дорога. А тут дверь сразу на кухню. Забор с этой стороны мы с папой делать не стали. Нам нравится, когда выходишь из дома и перед тобой лес.

— Здесь хорошо! — сказал я, и по тому, как она посмотрела на меня, было видно, что ей приятно это слышать. — Красивый у вас дом!

— Я очень его люблю.

— Так ты с папой живешь?

— Да. Он уехал к другу, тоже писателю, в Норвегию. Скоро уже вернется. Для него я и хочу холодильник набить. Приедет и уже что-то есть.

— Твой папа писатель?

— Да.

— А я живу один. И тоже люблю свой дом... А как тебя зовут? Меня...

— Постой, — оборвала она, — давай не будем говорить друг другу наши имена.

Здорово — не знать никаких имен. Ты скоро повернешься и уйдешь. И я скоро уеду. Зачем нам имена?

— Я могу так сразу и не уходить.

— Все равно,— сказала она, направляясь к дому.— В жизни все люди, в конце концов, уходят друг от друга. Разве ты это не заметил?..

— Еще бы мне не заметить!.. Давай я занесу сумку в дом.

Она отомкнула дверь, и я последовал за ней на кухню. Хоть и была она озарена солнцем, здесь было прохладно. Вдоль стен тянулись деревянные, добротные полки деревенского типа, уставленные горшочками, старинными бутылками и банками с приправами. Пахло свежемолотым кофе. Заметил на полках и старые книги, в том числе и томики Пушкина.

Я поставил сумку на стул и осмотрелся. За окном, почти вплотную к стене дома, росло вишневое дерево, лучи солнца пробивались сквозь листву, и рваные пятна света лежали на полу, на стенах, на голубой скатерти.

— Тут хорошо, прохладно. Хочешь чаю? — спросила она.— Смотри, какой у меня чайник!

Она достала из шкафчика медный чайник, погладила его, налила воду из крана и поставила на электрическую плиту.

— Красивый! — согласился я.— Словно золотой.

— Особенно, когда свет на него падает. Я вообще люблю теплые тона. Единственное исключение, голубые лавочки у нас на берегу. Я замираю от их цвета. Это цвет неба,— она открыла холодильник и задумалась, поглаживая подбородок.— Чем же тебя угостить? О! Отлично! Есть вкусный сыр. Помидоры... Мы живем! Салат сейчас сделаем.

— Здесь у тебя так хорошо после этой жары. Чаю бы я попил. Давай помогу тебе.

— А чего тут помогать?

— Салат могу помешать.

— Нет, ты мне не мешай. Ты пока походи. Посмотри, что у меня тут есть. Жизни порадуйся, как говорится.

Чайник быстро вскипел. Мы сели за стол и сквозь пар, поднимающийся из чашек, взглянули друг на друга. Наконец, я смог как следует разглядеть ее. Она тоже с веселым огоньком в глазах, с интересом, поглядывала на меня.

— Кушай, не стесняйся,— сказала она, придвигая ко мне сыр и хлеб.— Давай будем весело звенеть ложками в стаканах. Так чай вкуснее. Полчаса назад я тебя совсем не знала. И вот, пьем вместе чай.

— А я видел тебя и раньше.

— На станции?

— Не только. Однажды видел тебя в супермаркете в Каугури. И второй раз, тоже там же, на автобусной остановке.

— Значит, привлекла твое внимание,— усмехнулась она.

— Да.

— Я часто чувствую, что люди обращают на меня внимание. Наверное, во мне есть что-то странное.

— Нет, не это.

— Неужели потрясла тебя своей красотой? Никогда не поверю. Или, нет... Наверное, ты почувствовал мою тонкую душевную организацию.

— Как только увидел тебя, сразу же подумал, что здорово было бы познакомиться.

— Чего же не познакомился?

— Не умею так сходу.

— Я тоже не умею, но вот, видишь, сегодня всю работу за тебя сделала. Наверное, все твои планы порушила.

— Нет у меня никаких планов,— сказал я.— Я в отпуске. Думал на рыбалку пойти, но жарко сегодня. В такие дни не клюет.

— На рыбалку! — воскликнула она восторженно, намазывая масло на хлеб.— Я никогда не была на рыбалке,— произнесла, хитро прищурившись.— Возьми меня с собой. Я мешать не буду. Посмотрю, как ты ловишь.

— У меня есть вторая удочка. Можем вместе ловить.

— О, я буду ловить рыбу! А потом за домом мы сварим уху прямо на костре! — обрадованно воскликнула она.

— Если наловим. Бывает так, что за целый день ничего и не поймает,— заметил я.

Она вздохнула и посмотрела в окно.

— Жаль, но ничего не получится,— сказала она.— Завтра я уезжаю.

— Жаль, может, когда-нибудь в другой раз... Только знаешь, все-таки странно, не зная, как тебя зовут. Все же у человека должно быть имя.

Она отпила чай и поставила кружку на стол, и тут только я заметил у нее на пальце тонкое серебряное колечко с голубым камнем.

— Меня зовут Лиана.

— Лиана?! — удивился я.— Никогда не слышал такого имени.

— Лиана — она, знаешь, обвивается вокруг тебя, опутывает. Разве не чувствуешь, как я опутываю тебя?.. Шучу. Меня зовут Диана.

— Диана,— произнес я, прислушиваясь к звуку ее имени.— Дианка!.. Здорово!

— Да, именно так меня друзья всегда и звали.

— Звали?

— Все разбежались кто куда. И подруга уехала. Я, кстати, ушла с работы — со станции. Завтра уезжаю к ней в Англию. Хочется поскорее начать новую жизнь. Она живет с мужем в небольшом городке. Он у нее переводчик, а она у него — гений. Пишет, что для меня там работа найдется. Договорилась уже обо мне. Язык я знаю и моя цель устроиться в гостинице. Хочу там поработать консьержкой. А жить будем вместе.

— Это, конечно, лучше того, что у тебя на станции было.

— Дело не в этом. Я на станцию дворником устроилась, потому что книгу пишу. Главная героиня в этой книге работает дворником.

— Вот оно что!

— Да, писать надо только о том, что хорошо знаешь.

— О чем же твоя книга?

— В смысле сюжет? Я еще пишу. Книга называется «Кто-то влюбился в Клер». Название я придумала, когда мне десять лет было.

— Значит, о любви.

— Не только. Я решила устроить эксперимент. Эдакий хепенинг. Создаю в своей жизни новую ситуацию, даю жизни идти своим ходом, наблюдаю за тем, что происходит и пишу книгу о том, что мне открывается. Главная героиня книги — восемнадцатилетняя девушка. Она только что закончила школу, отец у нее писатель, уехал по делам. Ну, она и решила куролесить по полной программе. Устроилась дворником на станцию и пишет книгу о том, что с ней будет происходить.

— Ничего себе! Матрешка в матрешке. Значит, мы сидим сейчас, разговариваем и... это и есть твоя книга?

— Не совсем. Отбор материала все же остается. Все лишнее я отбрасываю. Кто знает, может, и наша встреча не имеет особого значения. Только будущее это покажет. Но метод интересный. Даже если ты сейчас встанешь и уйдешь, то и в этом может ока-

заться свой смысл, своя глубина и жизненная правда. Я не знаю, что произойдет дальше в моей жизни. И поэтому мне интересно жить. Я не знаю, что произойдет дальше в моей книге. И поэтому мне интересно писать ее. И то, и другое — приключение.

— Это похоже на игру. Но играешь ты с людьми. Не думала об этом?

— В том-то и дело, что я не играю. Я все делаю искренне. Я говорю сейчас с тобой только потому, что ты мне интересен. Все всерьез. Это моя реальная жизнь, а книга — зеркало того, что происходит в моей жизни и душе. Не я пишу книгу. Жизнь ее пишет. А я только иду следом и записываю. Я не хочу ничего придумывать. Жизнь интереснее выдумки.

— И о чем же твоя книга?

— Как-нибудь расскажу. Гламура не будет. Да в жизни так и не бывает. Хеппи-энда не будет тоже. Так мне кажется. Жизнь учит нас, и учеба ее заключается в том, что она дает тебе пинка.

— Но ведь бывает и счастье.

— Именно пинками жизнь направляет человека к счастью. Каждый со временем понимает, что все, что с ним происходит, к лучшему.

— Это точно.

Я оглядел кухонные полки, покрытые темным лаком, и снова увидел среди аккуратных банок с вареньем, мукой и крупами, томики Пушкина.

— Пушкин? Прямо тут на кухне? А говоришь, что поэзию не любишь.

— Пушкин... Он писал именно о жизни. И успел сказать абсолютно обо всем. Мы вот про имена с тобой говорили, но и об этом никто лучше него не сказал. Помнишь?

Что в имени тебе моем?

Оно умрет, как шум печальный

Волны, плеснувшей в берег дальний,

Как звук ночной в лесу глухом...

— Здорово! — сказал я.

— Еще бы! Он жизнь знал... Ну, и как тебя зовут? — спросила она.

— Николай. Можно просто Ник.

— Николай,— она призадумалась, накручивая на палец прядь волос,— Ник — круче.

— Я не против.

Диана обвела взглядом кухню и спросила:

— Ну, как, нравится тебе у меня, Ник? Как тебе мои полочки?

— Уютные.

— Купила все эти баночки и на первой же написала — «Мармелад». У меня его тогда не было, но я считаю, что в доме обязательно должна быть баночка с надписью «Мармелад».

— Как у Винни Пуха.

— Нет, у него был горшочек с медом. У меня он тоже есть. А еще смотри, какая у меня книжка есть. С советских времен еще осталась. Называется «Книга о вкусной и здоровой пище». Люблю ее полистать, особенно, когда голодная. Налистаешься, эдак, и прямо-таки чувствуешь — наелась до отвала. Читать ее можно с любого места.

Диана достала с полки книгу и раскрыла посередине.

— Ты пей чай, сыр бери, не стесняйся... А я почитаю тебе. Так... что тут у нас? О, заливная осетрина! Смотри, что пишут — «Кусок осетрины (или севрюги, белуги) сварить с добавлением корней и охладить. Из бульона, полученного при варке рыбы, приготовить три-четыре стакана прозрачного желе. Готовое и процеженное желе охладить... М-м-м-м, у меня уже текут слюнки.

Диана сглотнула, вздохнула с грустинкой, и понеслась скороговоркой.

— «Сваренную рыбу нарезать тонкими кусками, уложить на противень так, чтобы вокруг каждого куска оставалось свободное место для желе. Куски рыбы украсить листиками зелени петрушки, ломтиками моркови, кружочками свежего огурца, кусочками крабов или раков, каперсами...»

— Да... Это можно читать как литературу,— сказал я.

— Только слюнями надо не захлебнуться.

— А жанр этот называется — научно-фантастическая кулинария.

— Ага. Купи завтра кусочек осетринки. Я приготовлю ее.

— А сыр вкусный. Я сегодня и не позавтракал толком.

— Бери-бери. Я еще порежу.

— Диана, а что ты вечером делаешь?

— Планы у меня очень простые — не иметь никаких планов. Но можно покататься на велосипедах.

— Давай покатаемся.

Подул ветер, закачались ветви деревца за окном, и солнечные пятна скользнули по кухонному столу.

— У магазина, небось, подумал, что я сумасшедшая,— лукаво прищурилась она.

— Нет, не подумал.

Она допила чай, поставила кружку на стол. Снова я увидел сжатые губы, в уголках которых угадывалась улыбка.

— Тебе будет со мной еще лучше, если ты будешь говорить правду,— сказала Диана.— Как же можно было не подумать такое обо мне! Тем более что я и вправду сумасшедшая.

— Хорошо,— улыбнулся я.— Всегда буду говорить тебе правду.

— Всегда? — усмехнулась она.— Так долго у меня никто еще не останавливался.

— А велосипед у тебя есть?

— Есть.

— Я приеду вечером.

— Приезжай. А я тем временем вещички соберу. На кухне повожусь. А кстати, что ты любишь?

— В смысле?

— Ну, из еды.

— Ты знаешь, я сам себе готовлю. Все такое быстрое, несложное. А люблю... Много чего. Вон, голубцы давно не ел,— листая книгу, сказал я.

— А овсяную кашку любишь?

— Н-е-е-е-ет.

— Это потому, что ты мою овсяную кашку не пробовал. Сделаю тебе как-нибудь. Она очень полезная. Вон, Шерлок Холмс ел овсяную кашку и, видишь, какой умный стал!

— Хорошо,— сказал я, вставая.— Так я вечером приеду.

— Кстати, а где ты работаешь?

— Я художник... в рекламной фирме. Ну и... картины пишу, пастели делаю.

— А, понятно,— покачала она головой,— художников я завсегда любила...

Выходя из кухни, я оглянулся и увидел, что она сидит и смотрит в окно. Какая-то чуть грустная. Хотя, может, мне это только показалось.

(Продолжение следует)

